

SLAVICA HELSINGIENSIA

36

Ben Hellman

ВСТРЕЧИ И СТОЛКНОВЕНИЯ

Статьи по русской литературе

MEETINGS AND CLASHES

Articles on Russian Literature

Helsinki 2009

Первая мировая война в лубочной литературе

Быстрая и эффективная мобилизация русской армии в начале Первой мировой войны поразила всех наблюдателей. За одну неделю было призвано и послано к западным границам два миллиона солдат. В литературе же готовность к войне не была соответствующей. Понадобилось три недели, чтобы появились первые книги, связанные с событиями. Это были два маленьких сборника под названием «Война».¹ Авторы были анонимные или скрывались под псевдонимом, объем — лишь восемь страниц, бумага и типографская техника — самого низкого качества. Цена — 1 копейка. Тиражи были значительны для книжного рынка России — 15 000 экземпляров. Издания являлись чистыми примерами лубочной литературы, то есть дешевой, низкокачественной литературы, предназначенной для простого народа.

Еще со времен Отечественной войны 1812 года существовала тесная связь между войной и лубком, будь то картинки или книжки. «Война — это та почва, на которой лубок разрастается буйной травой, заглушающей подлинное искусство, которое во время войны молчит», — написала критик Вера Славенсон в обзоре военного лубка.² События 1914 г. отчасти подтвердили ее наблюдения. Спрос на сведения с фронта и на толкования военных событий был большим среди народа, и коммерческие издательства, специализирующиеся на лубке, не преминули откликнуться. Война предоставляла и любителям соблазнительную возможность вступить в литературу с серьезной темой, пусть и за свой счет.

Именно лубочные издания преобладали в начале войны. За пять первых месяцев войны в России было опубликовано около 600 книг, связанных с войной,³ из них большинство принадлежало массовой литературе. Можно согласиться с автором библиографического обзора: все это было лубочной литературой, если не по внешним признакам, то по крайней мере по содержанию.⁴

Если оставить в стороне документальные военные обзоры, в том числе и описания «славных побед» русской армии в Галиции, и рассказы участников войны,⁵ содержание лубочной военной литературы можно, грубо гово-

¹ *Война: Сб.* М., 1914; *Война: Военно-юмористический альманах.* М., 1914. См.: *Книжная летопись.* 1914. № 32. С. 5.

² Славенсон В. Война и лубок // *Вестник Европы.* 1915. № 7. С. 91.

³ Владиславлев И. Предисловие // *Русская литература о войне 1914 года.* М., 1915. Вып. 1. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Крупное издательство И. Д. Сытина специализировалось на военных обзорах и рассказах свидетелей. См.: «Как началась война», «Разгром австрийской армии и взятие Львова во Галиции», «Война в воздухе», «Мужественная борьба Бельгии с вероломст-

ря, разделить на пять тематических категорий.⁶ Первая — юмористическо-сатирические стихи, часто с лубочными картинками, высмеивающими врага и его военные усилия.⁷ Остальные темы: образ русского героя, образ неприятеля, небесная помощь русской стороне и — его противоположность — сатанинский характер вражеской силы.

Гиперболизация защитника и смех и подтрунивание над врагом — традиционные средства психологического преодоления страха, вызванного войной. В лубке Первой мировой войны тот же самый гигантский русский солдат, с широкой бородой и одетый в красную рубашку, как в лубке времени русско-японской войны, шагает по военной карте или ходит по колёно в океане, крошечный враг получает незабываемый урок. Враг смешон, ничтожен и труслив. Острые усы немецкого кайзера, бодро стремящиеся вверх, и его подданных, слепо подражающих своему правителю, стали любимым объектом карикатуристов. В дерганье за усы был элемент кастрации врага, лишения его силы.

Враг унижается, для чего умяляются его силы и мужество. Как в тексте лубочного листка, где жалкая фигура немецкого императора олицетворяет его беспомощную армию: «Как Вильгельм шел из Прилуки, Да попал он в бабьи руки, Как в трех баб он стрелял, Да ни в одну не попал». Как в фарсе, женская хитрость — самое сильное оружие: «Шел австриец в Радзивилы, / Да попал на бабьи вилы».⁸ Немцы выступают грозной лавиной, но уничтожаются тоже *en masse*: «Пруссаков у нас и бабы/ Истреблять куда не слабы!»⁹.

Последние два примера приписывают перу Владимира Маяковского. Для военных плакатов и открыток московского издательства «Сегодняшний лубок» он сочинил свыше пятидесяти маленьких юмористических стихов, комментирующих последние события на фронте. Маяковский без труда адаптировался к требованиям жанра. Враг у него труслив и слаб и предпочитает паническое бегство честной борьбе. Как непослушного ребенка, русские его выучат палкой:

вом Германии», «Наши враги немцы» и «Наши раненые». Серия «Вторая отечественная война по рассказам, ее героев» состояла из 30 книг.

⁶ Массовая патриотическая культура в России во время Первой мировой войны является темой работы: Jahn H. F. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca; London, 1995. Несмотря на то, что Ян обращает внимание на лубочные картинки и плакаты, кино, театральные и эстрадные представления, а не на лубочную литературу, его наблюдения во многом предвосхищают результаты данной работы.

⁷ Московское издательство К. Травина опубликовало около 20 «военных юмористических альманахов» и таким образом выделилось как ведущее в этой области.

⁸ Маяковский В. В. *Полн. собр. соч.* М., 1955. Т. 1. С. 355. Без подписи также в кн.: *Новейшие песенки о Вильгельме*. Варшава, 1914. С. 9.

⁹ Маяковский В. В. Указ. соч. С. 357.

Подошел колбасник к Лодзи
Мы сказали: «Пан добродзи!»
Ну, а с Лодзью рядом Радом,
И ушел с подбитым задом.¹⁰

В «Сегодняшнем лубке» участвовали крупные художники-авангардисты К. Малевич, М. Ларионов, А. Лентулов, Д. Бурлюк и сам Маяковский, но с самого начала чувствовалось, что речь шла о «псевдолубке», скорее обращенном к собирателям, чем к широкой массе. Издательство прекратило свою деятельность уже в октябре 1914 г.¹¹

Более утонченным способом высмеивания противника являлись псевдоаутентичные описания жизни императорского двора врагов. Первым многотомным романом, опубликованным во время войны, стал опус «Тайны Австрийского Двора: За кулисами войны» И. И. Нерадова. Каждую неделю «Московское издательство» добавляло несколько новых глав, и когда 25-я тетрадь вышла в марте 1915 г., произведение насчитывало 800 страниц. Вначале тираж достигал 18 000, но последняя тетрадь вышла тиражом в 4 000 экземпляров. Другое произведение такого типа, в данном случае анонимное — «Тайны германского двора: Записки придворного» (М., [1914]) — было рассчитано на 36 тетрадей. Враг был опорочен разоблачениями дворцовых интриг, шпионажа, безнравственности, сумасшествия и злоупотребления наркотиками. Показательно название второй тетради книги: «Любовница императора». Пикантные же детали из любовной жизни германской принцессы «разоблачил» в своей книжке «Дочь Вилгельма II-го: Придворный скандал» (Пг, [1914]) граф Амори.

Исторические исследования о Первой мировой войне не обращают внимания на отдельных героев, и вообще термин сам по себе может казаться неуместным в связи с этой войной. Кажется, все согласились с поэтом Александром Блоком, который в 1916 г. признался: «Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны — невеликость (невысокое) <...> она всех “прозаичнее”». ¹² Все легенды, творимые во время войны, оказались кратковременными. Осталась только картина анонимной массовой смерти в длительных, но бесполезных битвах. Тяжелые поражения русской армии тоже оставили в тени все случаи проявления героизма.

В 1914 г. у России, однако, появился свой военный герой традиционно-го типа. Это был 26-летний донской казак Кузьма (или Козьма) Крючков, который первым был награжден Георгиевским крестом первого ранга. 30 июля (ст. ст.) Крючков вместе с тремя другими кавалеристами неожиданно столкнулся с немцами недалеко от границы Восточной Пруссии. Силы бы-

---

¹⁰ Там же.

¹¹ О «Сегодняшнем лубке», см.: Jahn H. Op. cit. P. 14-18.

¹² Блок А. *Записные книжки (1901—1920)*. М., 1965. С. 283.

ли неравны — 27 против 4, но казаки все-таки решили начать бой. Когда сражение кончилось, 24 немца лежали на земле. Из них Крючков прикладом винтовки, шашкой и копьем убил 11. Серьезно раненым, ему все-таки удалось вернуться к своей роте.¹³

Рассказ о подвиге Крюčkова быстро распространялся в печати. Было опубликовано его письмо к родителям, в котором он в одном длинном предложении и на неграмотном, разговорном языке описал драматическое столкновение: «... А я один остали немцы зачали мене колоть пиками, а я отьбивался винтовкою винтовку у мене выбили, а я выхватил шашку шашкою рубил шашку вълажил вырвал у немца пику да пикою доколот 11 человек...».¹⁴ Таким же «hard-boiled» стилем он устно рассказывал о кровавой встрече:

Одиннадцать окружили меня. В винтовку патрон не стал входить. Произошло заклинение. Их унтер ударил меня шашкой, — палец рассек. Винтовка выпала из рук. Шашкой не могу достать их. Они пиками меня достают. Я хватился за одну пику, мигом вырвал ее у немца и давай колоть их. Всех переколот. Сам весь в крови, лошадь в крови.¹⁵

В печати Крюčkова описывали как человека скромного. Неохотно рассказывал он о своем подвиге. Восхваления перебивал: «Больно вы краснобаеете, я погляжу. По-вашему, я колдун, а я делаю лишь то, что Бог велел».¹⁶

Крючков стал первым и главным героем русского лубка. «Герой Крючков» Николая Каменского с начала сентября 1914 г. был первым в длинном ряду книжек о казаке-герое. Тот же самый мотив повторялся и в рассказах периодики, и на лубочных плакатах. Происшествие было передано в прозе и в стихах, в документальной и в художественной форме.¹⁷ Даже фильм

---

¹³ *Биржевые ведомости*. 1914. 16 авг.

¹⁴ Письмо Козьмы Крюčkова // *Славянофил. Сказание о великой войне: Граматка Козьмы Фирсовича (донского казака Крюčkова)*. Пг., 1914. С. 12.

¹⁵ Давыдов В. Д. *Славное казачество во вторую отечественную войну*. Вып. первый. Новочеркасск, 1915. С. 41.

¹⁶ *Новые подвиги Козьмы Крюčkова и его товарищей: Памятка отдельных подвигов русских воинов великой войны (1914—1915 гг.)* / Ред. В. Высоких. Выборг, 1915. Вып. 2. С. 43.

¹⁷ См.: Варлыгин Д. *Лихой казак: Песня-марш. Посвящается донскому казаку-герою Козьме Крючкову*. (Музыка Н. Кузмина). М., 1914; «Герой Крючков» и другие песни войны. М., 1914; *Геройский подвиг донского казака Кузьмы Крюčkова*. М., 1914; *Неустрашимый герой донской казак Кузьма Крючков и его славные победы над врагами, как он убил 11 немцев*. М., 1914; *Славный герой-казак, доблестный сын вольного Дона Кузьма Крючков, уложивший один в славном бою на смерть 11 врагов — немцев*. М.,

был быстро снят: «Подвиг донского казака Кузьмы Крючкова» (Алексей Толстой видел этот фильм в Белостоке в октябре 1914 г. на пути к фронту).¹⁸ Приблизительно в это время в одной книжке говорилось, что «теперь вся Матушка Россия произносит имя Кузьмы Крючкова с благодарностью и гордостью. Повсюду слышно о Кузьме Крючкове, каждый русский человек преклоняется перед этим героем <...>¹⁹ Его портрет якобы висел везде — «от хижин бедняков до дворцов богачей».²⁰

Пример Крючкова апеллировал к народной любви к героическому. Миф о сильном, бесстрашном и непобедимом герое был в России связан и с богатырями былин, и с казачьей традицией и с героями 1812 года. В одной книжке о Крючкове казацкая связь была эксплицитно подчеркнута: «От дедов и отцов идет к ним горячая жажда сразиться с врагом страны родной».²¹ Крючков изображен как неиспорченное дитя природы. Он не спрашивает о причинах войны; для него война только продолжение труда на поле или просто захватывающая игра. Писатели лубка не хотели признавать скромность Крючкова, а сделали его самоуверенным и даже хвастливым. Лубочный Крючков не боится ни войны, ни «гордой немчуры», и в пылу сражения он в своей настоящей среде:

Мне по сердцу набег!
И схватки я люблю
И злых надменных швабов
Десятками колю.²²

Так как каждый писатель пользовался одними и теми же хорошо известными источниками, в рассказах и поэмах о Крючкове наступило утомительное однообразие. Жажда ярких подробностей, такая важная для массовой литературы, удовлетворялась только изредка, хотя можно найти несколько примеров развития фабулы в более фантастическом направлении. Подробностью, не встречающейся в изложении самого Крючкова, но позже проявившейся в анонимном рассказе «Герой-Казак Козьма Крючков», стала отсеченная голова немецкого солдата: «Вместо защищенной каской головы, под крючковскую шапку пришлось шея и слетела с плеч

1914; *Храбрейшие герои: Казак Кузьма Крючков и другие казаки и их геройские подвиги*. М., 1914.

¹⁸ Толстой А. Н. На войне // Толстой А. Я. *Собрание сочинений*. М., 1915. Т. 6. С. 67. См. также: Jahn H. Op. cit. P. 158.

¹⁹ *Славный молодец донской казак Кузьма Крючков: Первый Георгиевский кавалер в русско-немецкую войну*. Киев, 1914. С. 6.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Там же. С. 7.

²² «Кузьма Крючков» и «Гей казаки»: *Новые военные казацкие песни*. М., 1914. С.2.

немецкая голова, и только на волоске висела».²³ Дэг в «Подвиге казака Крючкова» развивал этот образ. В его поэме встречаем все штампы, связанные с казацким героем. В бою Крючков приходит в бешенство:

— А чтобы-те сгнуть... рассердился
Крючков, и с розмаха рукой
Срубил главу, и та скатилась...
Подняли немцы дикий вой.
А Крючков все время рубит,
Немцев крошит, словно мух,
Но их много — он загубит
И себя, свой юный дух...²⁴

В элитарную литературу Крючкова не впустили; он вовсе не годился в прототипы русского солдата. Идеалом был скорее толстовский Платон Каратаев, скромный «философ» в лохмотьях, осознающий моральные конфликты событий, тогда как Крючков был представителем физической силы и хладнокровия. Среди неграмотных слоев Крючков, однако, стал героем. Он был гарантией непобедимости России, несмотря на ее техническую отсталость. В одном полушутливом лубочном рассказе немецкий генерал, узнавший о подвиге Крючкова, решает математическую задачу с потрясающим результатом: «Схватив карандаш, немецкий генерал сделал новое вычисление. 1 казак = 11 немцам. 100 000 каз. = 1 100 000 немцев (sic!). Карандаш выпал из рук, и долго почтенный математик сидел над своими вычислениями, уныло качал головой и стонал: О, unglücklihes (sic!) Deutschland (sic!)!»²⁵

Одна из бесчисленных книжек о казаке Крючкове предрекает: «Пройдут десятки лет, и о славном небывалом геройстве Кузьмы Крючкова будут дети и внуки читать как сказку...».²⁶ Но на самом деле Крючков не пережил даже первые полгода войны, несмотря на отдельные попытки следить за его жизнью на фронте. То же самое можно сказать о других военных героях лубочной литературы, например, о летчике П. Н. Нестерове, павшем в воздушном бою,²⁷ офицере Аввакуме Волкове, ветеране русско-японской войны, который недалеко от Львова убил пять австрийских офи-

²³ *Герой-Казак Козьма Крючков*. М., 1914.

²⁴ Дэг. *Подвиг казака Крючкова. Поэма*. Пг., 1914. С. 6-7.

²⁵ Давыдов В. Д. Указ. соч. С. 44.

²⁶ *Герой великой Отечественной войны: Первый Георгиевский кавалер казак Кузьма Крючков и 12-ти летний мальчик герой георгиевский кавалер Андрияша Мироненко*. М., 1914. С. 4.

²⁷ См.: *В волнах небесного: Героическая смерть летчика П. Н. Нестерова (Из эпохи священной войны)*. М., 1914; *Новые военные песни: Героическая смерть русского летчика капитана Нестерова*. М., 1914; *П. Н. Нестеров: Герой-авиатор*. М., 1914.

церов и солдат и захватил их знамя;²⁸ о болгарском генерале и дипломате Радко Димитриево, который в знак протеста против нейтралитета Болгарии просил русского гражданства и активно участвовал в боях во главе корпуса,²⁹ об Андрюше Мироненко, 12-летнем мальчике, который по ошибке попал на австрийскую артиллерийскую позицию и, не растерявшись, уничтожил вражеские пушки.³⁰ У биографий всех этих «героев» была, по всей видимости, документальная основа. Более сомнительной является аутентичность Валентины Гавринской, «которая победила целый немецкий полк и таким способом спасла целый город и его обитателей».³¹

К той же категории принадлежит фиктивный рассказ о донском казаке Семене Яхонтове, созданный Христофором Шухминим. Сначала несколько слов об авторе. Христофор Шухмин был самым продуктивным из всех создателей военного лубка.³² В своих бесчисленных книжках, изданных московским издательством А. Балашова, он затрагивал все центральные мотивы жанра и делал это с верным пониманием массового вкуса и в то же время с бесподобной вульгарностью. У него можно было встретить русское геройство, немецкое зверство, австрийскую и турецкую глупость, шокирующий натурализм и туманный мистицизм. Шухмин назвал себя «артистом, писателем и художником», но критики ставили все эти слова в кавычки. Орфография и логическое мышление не были самыми сильными сторонами Шухмина, но «по своему умению городить чушь с величест-

---

²⁸ См.: *Кавалер пяти Георгиев: Подвиги унтер-офицер (sic) А. Н. Волкова. Из эпохи священной войны.* М., 1914; *Новые песни войны первого георгиевского кавалера Аввакума Николаевича Волкова о его выдающейся храбрости и его сильных и великих подвигах войны.* М., б. г.; Прохорович А. В. *Песни войны Волкова взявшего неприятельское знамя 1915 года.* М., [1915]; Шухмин Х. *Подвиг унтер-офицера А. Н. Волкова кавалера пяти георгиевских крестов: Рассказ из последней войны с немцами и др.* М., 1914.

²⁹ См.: *Современный Скобелев: Доблестный генерал герой Радко Димитриев и его геройские подвиги в борьбе с немцами.* М., 1914.

³⁰ См.: Кайский А. *Дети на войне.* Пг., 1915. С. 30-31 (из Биржевых ведомостей). *О других многочисленных детях-героях см.: Славные подвиги мальчика-героя в войне России с Германией и Австрией.* Киев, 1914; *Юный герой Ганька-Дармоед: Рассказ из Священной войны.* М., б. г.

³¹ Прохорович А. В. *Геройский подвиг одной русской женщины Валентины Гавринской, которая победила целый германский полк и тем спасла весь город и всех жителей, находившихся в нем, от кровавых набегов продолжающейся войны.* М., 1914.

³² Кроме названных в докладе книжек, Шухмин опубликовал и другие: *Военный совет Вильгельма с чертями: Юмористический рассказ.* М., 1914; *Дворец скелетов или архитектура Вильгельма.* М., 1914; *Как казаки заставили немцев самих себя выпороть: Рассказ.* М., 1915; *Любовь сестры милосердия, или Мать под пулями и бомбами: Рассказ.* М., 1915; *Необыкновенное превращение Кайзера Вильгельма в дьявола: Рассказ.* М., 1914; *Приятное знакомство Вильгельма со смертью.* М., 1914; *Проделки немецких чертей над Магометом пятым: Рассказ.* М., 1915; *Сказка о трех людоедах: Вильгельм, Франц и Магомет: Рассказ.* М., 1915; *Страшные и дикое зверства немцев в последнюю войну: Очерк.* М., 1914.

венным учительным видом “артист” этот превосходит всех своих многочисленных коллег», — заметил критик П. Жулев.³³ Его метод работы был прост, если верить критику: «треть списана откуда-нибудь, а две трети сочинены самим “артистом” обо всем, что в голову взбредет».³⁴

Концепция, близкая Шухмину, но не только ему, такова: хотя обе стороны должны употреблять насилие и в некоторой степени быть жестокими, но все-таки существовала принципиальная разница между русскими и немцами. Русский солдат — «великодушен, милостив и любвеобилен» к узникам, он хорошо заботился о раненых, несмотря на их национальность.³⁵ Он — «орел, лев и тигр в борьбе, но светлый ангел и добрый голубь с погибающим врагом».³⁶ И, кроме того, настоящий русский солдат-герой убивал с мукой в сердце.

Этот в основе своей славянофильский миф Шухмин продемонстрировал в книжке «Дюжина немцев на одном казацком штыке». Донской казак Семен Яхонтов выгоняет своим копьём и страшным ревом двенадцать немцев из траншеи, где они трусливо скрываются, и убивает их меньше чем за двадцать минут, сам не получая ни одной царапины. Его подвиг превышает геройство Крючкова на одного врага, но его настоящее величие скрывается в том, что он после победной битвы вздыхает и смотрит на павших печальными глазами: «... В каждом почувствовал близкого себе человека. И много он тогда для души своей получил откровений, и сумрачные, тяжкие мысли закопошились в его мозгах и даже слезы вызвали на глазах у героя».³⁷ Тут соединились черты героя классической литературы с чертами народного героя настоящей войны.

В отличие от русских, немцы оставались «кроважадными зверьями» во всех ситуациях. Выражение «немецкое зверство» очевидно возникло в связи с трагическими событиями в маленьком польском городе Калише в самом начале войны. Самым шокирующим обстоятельством этого эпизода была жестокость, которую *немецкая армия*, по сведениям русской печати, проявила по отношению к гражданскому населению.³⁸ Следующие за этим схожие события в Чен-

---

³³ Жулев П. Лубочное половодье // *Русская школа*. 1915. № 1. С. 60.

³⁴ Там же.

³⁵ Шухмин Х. *Подвиг унтер-офицера А. Н. Волкова, кавалера пяти Гергиевских крестов: Рассказ из последней войны с немцами*. М., 1914. С. IX.

³⁶ Там же.

³⁷ Шухмин Х. *Дюжина немцев на одном казацком штыке: Рассказ из русско-немецкой войны*. М., 1915. С. XIV.

³⁸ См.: *Черные дни Калиша: Зверства немцев и австрийцев в мировую войну 1914 г.* М., 1914. Калишские события попали и в художественную литературу. В пьесе Владимира Чайкина *Калишане в котлах у варваров-пруссаков: Драма из современной войны* (Пг., 1915), наверное, самая потрясающая последняя сцена в русской драматургии. На глазах публики пьяные немецкие солдаты насилюют женщин и убивают связанных беззащитных мужчин.

стохове (Польша), Лёвене (Бельгия) и Реймсе (Франция) как будто подтвердили, что враг не останавливается ни перед чем, что он уже перешел все границы человеческого.³⁹

В лубочной литературе тема «немецкого зверства» мгновенно приобрела популярность. Шухмин писал: «Звери германцы не щадили ни детей, ни жен, ни стариков, ни сестер милосердия, ни врачей человечества. Глумились над честью девиц, насиловали жен в присутствии отцов и детей».⁴⁰ Коллега Шухмина А. Прохорович добавил много потрясающих подробностей «немецкого зверства»: «раненых хоронили живыми, пленных обливали керосином и затем поджигали, детей накалывали на штыки, у женщин срезали груди».⁴¹

Потрясающие рассказы такого типа всегда встречаются в пропагандистской военной литературе. Они удовлетворяют скрытое влечение к насилию и психологически мотивируют жестокость, которую должна проявить каждая сторона, чтобы остановить яростного врага. С «кровожадным животным» нельзя вести мирные переговоры: его надо отыскать и убить.

В этой связи встречается более специфический русский мотив, — немецкая фальшивость. Широко распространено было представление, что немцы, включая тех, кто жил в России, все время только обманывали русских, скрывая свое презрение, хотя они на самом деле секретно планировали войну. Ошибка русских заключалась в их наивном доверии и благосклонности ко всем иностранцам, включая немцев. «Уже давно, может быть несколько лет к ряду, наш гнусный сосед, нами же облагодетельствованный, готовился к войне», — говорится в книжке «Немецкие шпионы».⁴² Доказательством являлось, например, то, что в каждом русском городе можно было найти немецкие конторы и магазины. И — «часто за вывеской немецкой колбасной скрывался целый немецкий штаб, откуда по беспроволочному телеграфу рассылались вести о численности и передвижении наших войск».⁴³ Через телеграф немцы в России, или «внутренний враг», как их называли, состояли в контакте со своей родиной. На фронте немецкий шпионаж также был эффективен и явно свидетельствовал о фальшивом характере врага: «Кругом шпионы: передают сведения о нас и с собаками-то, и по телефону-то, и мельницами-то...».⁴⁴ Даже лояльность к Гер-

³⁹ См.: *Германские зверства: Черные дни Калиша, Ченстохова, Лувэна и др. городов, занятых германцами*. Одесса, 1915.

⁴⁰ Шухмин Х. *Путешествие по свету Вильгельма на хвосте у черта: Юмористический рассказ из современной войны*. М., 1914. С. XIV-XV.

⁴¹ Прохорович А. В. *Как Вильгельм до черта в ад попал, Что живых людей он в землю зарывал, Керосином обливал И на огне людей сжигал, Как чорт шил сапоги Для Вильгельмовой ноги*. М., [1914].

⁴² *Немецкий шпионаж*. М., 1914. С. 3-4.

⁴³ Там же. С. 9.

⁴⁴ Там же. С. 18.

мании невоенного населения оккупированных русскими частями Восточной Пруссии в начале войны являлась знаком обманчивости, а не патриотизма, как, например, в Бельгии: «Каждая старуха, каждый старик, ребенок <...> — это все разведчики, и о каждом шаге русских войск осведомляют своих».⁴⁵ К наличию телеграфа и телефонов почти во всех прусских деревнях русские солдаты относились с подозрением. Крепкие каменные дома были в глазах русских маленькими крепостями — доказательством военного планирования.

Мы уже говорили о сатирических нападках на врага и высмеивании его попыток победить русских. Главной целью сатиры лубочной литературы был германский император Вильгельм II. В 1914 г. в России было опубликовано около 40 книжек, обличавших кайзера. Сами названия этих изданий раскрывают отношение авторов к предмету: «Бешенный Вильгельм», «Коронованный Каин», «Вильгельм Кровавый», «Нерон XX века», «Современный антихрист Вильгельм II-й», «Вильгельм Антихрист» и т. п. Одна листовка носила красноречивое название: «В центре Европы объявился палач и своим гордым мечом погубил миллионы людей: Имя ему Антихрист». Даже известный психолог академик В. М. Бехтерев посвятил немецкому императору один этюд: «Вильгельм — дегенерат неронового типа» (М., 1916).

Вильгельм II представлен как лично несущий ответственность за все зверства войны. Он служит сатане. Вильгельм, ад и сатана соединялись в разных формах. Один критик отметил: «И крестили они (писатели, — Б. Х.) Вильгельма в адской купели, и созывали военные советы его с чертями, и приделывали ему рога, хвост и, наконец, как это сделал недавно некий Р. Меч,⁴⁶ просто выдернули его из заседания генерального штаба и отправили в ад по пустыкам, так просто — проветриться...»⁴⁷

Петроградское издательство Николая Линдена опубликовало легенду-поэму «Как чорт Вильгельма выдумал», в которой войне дается религиозно-историческое объяснение. С того времени, как Лютер бросил в него чернильницу, «дьявол» жаждет мести. При рождении чертенка, черт дает его бездетному кронпринцу Фердинанду. Тот смотрит на ребенка «как на диво./ Но вдруг из люльки: — пива! пива!» Дьявол ликует: «Ну, разве я, скажи, не шельма./ Наслал в отместку я Вильгельма/ На ненавистный мне народ.../ Я Лютеру придумал месть!»⁴⁸

---

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Меч Р. *Вильгельм в аду*. М., [1914].

⁴⁷ Жулев П. Указ. соч. С. 58-59.

⁴⁸ *Как чорт Вильгельма выдумал: Легенда*. Пг., 1914. Цит. по: Жулев П. Указ. соч. С. 58.

В некоторых псевдо-легендах Вильгельм II надеется на помощь сатаны, продавая свою душу, но в конце концов он сам будет обманут.⁴⁹ Сознавая свое бессилие, писатели лубка предавались пустому мечтанию, но в этих мечтах присутствует вера в то, что зло будет наказано. Иногда, чаще всего в связи с австрийским императором Францем-Иосифом, русские писатели предвидят возможность раскаяния. Христофор Шухмин заставил Франца-Иосифа, невидимого другим, гулять по Вене, где все, страдающие от тяжести войны, проклинают его имя. Мельком он видит также, что его ждет после смерти. Старик потрясен увиденным и восклицает: «Я погубил миллионы людей! Я погубил свою душу! Моя победа в моем собственном раскаянии. — И старик Франц-Иосиф громко зарыдал. И в первый раз в жизни из его глаз полились слезы искреннего человека».⁵⁰

Если помощником Германии и Австрии-Венгрии являлся сатана, то на стороне России мы находим Небесные силы. В первую военную осень в России ходили слухи о божественных видениях на фронте. Появление Иисуса Христа и Богородицы были конкретным знаком того, что русская армия могла рассчитывать на помощь Небес и ее дело священное. Новости об этих откровениях были напечатаны на листках, часто большим тиражом. «Явление Божией Матери на небе пред сражением русскому воинству! Предзнаменовавшее о победе» (Пг., 1914) было напечатано в 320 000 экземплярах. Другие листовки носили названия «Великое чудо во время причастия, как Господь не допустил немцев надругаться над святыми дарами» (М., 1914), «Чудесное видение Божией Матери на войне русским воинам» (Одесса, 1914), «Чудесные видения на войне продолжаются» (М., 1914), «Чудесное явление русскому воинству на поле брани» (Пг., 1914).

О посещении Христа солдат на русском фронте сообщалось в книжках «Великое чудо из священной войны: Явление Иисуса Христа раненому воину после сражения под Варшавой» (М., 1914) и «Великое чудо на войне: Явление Божьей Матери и Иисуса Христа русскому воинству и чудесное исцеление унтер-офицера» (М., 1914).⁵¹ В них образу Христа дана и функция лечения раненых и утешения умирающих.

Выходили и более разработанные описания чудных событий и появлений мистических незнакомцев на фронте. Пример вновь можно найти у плодотворного Христофора Шухмина: «Под разрывами шрапнелей или необыкновенный старик». Личность этого «необыкновенного старика», появившегося в русской армии в декабре 1914 г. у реки Равка, не раскрывается. У него бело-снежные волосы и голубые, добродушно улыбающиеся глаза, на нем фуражка

⁴⁹ См.: Альма. *Легенда войны*. М., 1914; Прохорович А. В. *Как Вильгельм до черта в ад пропал, что живых людей он в землю зарывал*. М., [1914];

⁵⁰ Шухмин Х. *Путешествие по свету Вильгельма на хвосте у черта*. М., 1914. С. XV-XVI.

⁵¹ См. также главу «Чудеса на войне» в кн.: *Душа русского солдата: Сборник* / Ред. Е. Воронова. Пг., 1915. С. 77-82.

и погоны времен Николая I. Старик дарит солдатам табак и хлеб, ухаживает за ранеными и утешает их в трудные моменты. 13 декабря (по новому стилю во время Рождества у немцев!) он руководит наступлением против врага. Невредимый среди пуль он вдохновляет солдат своим криком «С нами Бог, никто не погибнет, а кому пришел час[,] тот и в золотых хоромах умрет». ⁵² Солдаты догадываются, что «между людьми ходит святой, кому Сам Бог разрешил благословлять и помогать страдальцам воинам». ⁵³ Шухмин не подтверждает, но и не отрицает их предположение, а углубляет мистицизм рассказа в самом конце: «А имя ему — человек». ⁵⁴

К этой категории военной литературы можно также отнести многочисленные книжки с разными пророчествами о ходе и конце войны. Находили чисто русские, довоенные примеры таких пророчеств. У генерала М. Д. Скобелева можно было найти высказывания о будущей великой войне против Германии. ⁵⁵ Св. Серафим Саровский предвидел русскую победу в будущей великой войне. ⁵⁶ Св. Андрей Юродивый предсказал, что Константинополь станет русским Царьградом, но только до тех пор, пока город не погрузится на дно моря в результате землетрясения. ⁵⁷ В знаменитом календаре Брюса нашли туманное пророчество о больших изменениях в одном знаменитом государстве.

Настоящих экспертов, однако, надо было искать за границей. Парижанка Madame Тэб, оккультист, уже в 1912 г. якобы предсказала будущий конфликт германской и русской наций. Тэб предугадала «потрясение всего цивилизованного мира» и «пролитие потоков человеческой крови». ⁵⁸ Грядет конфликт славянской и германской рас, христианства и ислама. Германия погибнет, но русских ожидает светлое будущее: «Долгое молчание, затишье в России, потом удар грома — и явятся новые люди, новые дела, новые свободы, новая большая работа, одним словом [,] полное пробуждение. Сколько однако перед этим пробуждением ей придется вынести борь-

---

⁵² Шухмин Х. *Под разрывами шрапнелей или необыкновенный старик: Рассказ*. М., 1915. С. XIII.

⁵³ Там же. С. X.

⁵⁴ Там же. С. XVI.

⁵⁵ Ермилов В. *Берлин: Что предсказал М. Д. Скобелев о войне с немцами*. М., 1915; О Скобелеве см. также: Апушкин В. А. *Скобелев о немцах: Его заветы славянству*. Пг., 1914; *Как русские взяли Берлин в 1760 г.: Скобелев о немцах*. Одесса, 1915.

⁵⁶ *Страшное предсказание Серафима Саровского о Русско-Германско-Австрийской войне, предсказание о победе, обещание идти на войну и молиться за весь русский народ*. СПб., 1914.

⁵⁷ *Пророчество Св. Андрея Юродивого о судьбе Царьграда*. М., 1914.

⁵⁸ *Что говорит г-жа Тэб о событиях текущего года? (Выдержка из Парижского альманаха за 1912 г.) Чем кончится война? Судьба Германии и ее Императора. Участие Италии и проч.* Пг., 1914. С. 3–4.

бы внутренней и внешней и сколько измены! Помощь придет ей оттуда, откуда она никак ее не ожидает».⁵⁹

Более обстоятельную картину неизбежной гибели Германии давал перевод французской книжки «Конец германской империи по немецким предсказаниям Германа [епископам] Майнцкому и Финсбергскому, собранным и комментированным Ж. Ляров» (Пг., 1914). Книжка «Ужасный рок: Гибель императора Вильгельма» выдавалась за перевод статьи из английского журнала «Occult Messenger». В ней утверждалось, что все — от движений планет до почерка и линий ладони императора (последние вышеупомянутая Мадам Тэб изучала уже в 1904 г.) — указывало: Вильгельм II сойдет с ума, *coup d'état* совершится и принц будет убит. В итоге лубочная книжка отметила, что император Вильгельм II не начал бы войну, «если-бы он был знаком с оккультным знанием...»⁶⁰ Разумеется, что все эти пророчества были сладким чтением для русских. Это касается и утопических романов военных лет.⁶¹ В конце войны русская армия завоюет Берлин, если до этого дворцовый переворот не разрушит военные планы Вильгельма.

Лубочная литература состояла из маленьких, дешевых книжек, предназначенных для народа. Для более требовательной и состоятельной публики работали писатели развлекательной литературы, такие как Лидия Чарская, Ольга Бебутова и Николай Брешко-Брешковский. Их произведения более объемны, композиция — более сложна, общественное положение персонажей — более высоко, но мотивы и тенденции те же, что и в чистой лубочной литературе.⁶² По сквозной фабуле главная героиня, часто добродетельная барышня из хорошей семьи, слепо влюблена в красивого и корректного немца, живущего в России, но во время войны ей открывается настоящее лицо жениха. Изнасилование — неизбежный мотив этих произведений, предпочтительно в самом сердце Германии, в замке негодяя, где он вполне свободен от всяких ограничений и принуждений. Неприятности русских девушек начинаются у Бебутовой («Варвары XX века», 1915) и Чарской («Ее величество Любовь», 1915), когда они, как и тысячи других русских, застряли в Германии в начале войны. Мужчин бесцеремонно бросают в тюрьму, но женщины попадают в руки немецких офицеров, где ждут их бесчестье и изнасилование. Немецкие слуги откровенно радуются судьбе русских княгинь: «Вы будете нашими рабами, а мы вашими повелителями».⁶³ Американец Дж. Брукс, специалист по русской массовой ли-

⁵⁹ *Война и предсказания госпожи де Тэб*. Перевод Скарабэ. Изд. 2-е. Пг., 1915. С. 18.

⁶⁰ *Ужасный рок: Гибель императора Вильгельма II*. М., [1914]. С. 5.

⁶¹ См.: Жданов Л. *Конец войны: Последние дни мировой борьбы*. Пг., 1916; Засулин А. *Падение Берлина*. М., 1915.

⁶² Границы были стерты не только между лубочной и развлекательной литературой. И в элитарной литературе была заметна тяга к лубочным мотивам и установкам.

⁶³ Бебутова О. *Варвары XX века: Война (Роман из современной жизни)*. Пг., 1915. С. 217.

тературе, комментирует: «Авторы этих повествований подчеркивают уязвимость и страдания русских, лишенных защиты своего отечества».⁶⁴ На аллегорическом уровне такие сцены иллюстрируют шок, который русские испытали в 1914 г., когда Германия, главный экономический и культурный партнер России и главный символ прогресса и материального благополучия, неожиданно объявила ей войну.

600 названий за пять месяцев может не казаться большим количеством для страны такого масштаба, как Россия. Это касается и тиражей лубочных изданий. Обычный тираж — 4000 экземпляров, второе издание было редкостью. Это превосходит соответствующие показатели для элитарной литературы того времени, но немногочисленность круга читателей в России все же очевидна. Покупка книг еще оставалась привилегией маленькой группы, и самым большим препятствием являлась при этом не цена (многие издания продавались за копейку), а неграмотность.

Но несмотря на относительно скромную распространенность лубочной литературы, критики серьезно относились к ней. Уже в изданиях, связанных с русско-японской войной, отмечалась грубость, безграмотность и высокомерное отношение к врагу лубочных авторов. О карикатуре-картине того времени писал критик И. П. Белокопский: «Она бессовестно лгала и обманывала народ, совершенно искажая действительность; она прославляла грубую силу, невежество и тьму; за редчайшими исключениями, она преподносила лишенную всякого остроумия и принижающую художественный вкус пачкотню».⁶⁵

Во время мировой войны военный лубок оценивали в таком же отрицательном тоне.⁶⁶ За примитивной и по форме и по содержанию лубочной литературой не признавали никакой ценности. Считали, что она опошляла серьезные и трагические события, вульгаризируя их смысл. Неясно, отражала ли она на самом деле настоящее отношение народа к войне и врагу. Помимо того, господствовало ощущение, что русским на самом деле неуместно высмеивать врага, что Россия — более слабая и во всех отношениях наименее развитая из воюющих наций.

Критикам было досадно наблюдать, как народ черпал информацию о войне из таких газет как «Трудовая копейка» и из изданий лубочного характера.⁶⁷ Лубок был дешев, а его продажа — эффективна. Книжки и листки продавались на улицах; они широко распространялись и в деревне, и в

---

⁶⁴ Brooks J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature 1861—1917* / Princeton, New Jersey, 1985. P. 224.

⁶⁵ Белокопский И. П. Лубочная литература о русско-японской войне // *Образование*. 1905. № 1. С. 61.

⁶⁶ Звягинцев Е. Война и лубочная литература // *Русские ведомости*. 1914. 12 сент.; Жулев П. Указ. соч.

⁶⁷ Владиславлев И. В. Указ. соч. С. 5.

рабочих предместьях. Через рынки в провинции лубок нашел путь даже в избы крестьян.⁶⁸

«Это настоящая умственная зараза, с которой необходимо бороться», — делал вывод критик П. Жулев в журнале «Русская школа».⁶⁹ В качестве целебного средства для борьбы с этой «эпидемией» предлагалось дать народу качественные популярные издания по доступной цене, и при этом подчеркивалась роль крупных издательств. Некоторые попытки в этом направлении были предприняты. В начале войны при Главном управлении по делам печати был создан Комитет на родных изданий, который опубликовал большим тиражом пять книжек.⁷⁰ Так «Война с Турцией» вышла тиражом в полтора миллиона — рекорд для русского книжного рынка. В 1915 г. «Скобелевский комитет», состоявший под покровительством царя, начал публиковать книги по низкой цене. В роскошных изданиях выпускались портреты царя, описания славных русских героев и его гнусных врагов. Комитет издавал также и художественную литературу, но довольствовался такими второстепенными писателями, как Д. Цензор, И. Гриневская, А. Липецкий, Скиталец (С. Г. Петров) и Н. Н. Брешко-Брешковский. Но время лубочной литературы подошло к концу. Публика — в том числе и читатели более развитого вкуса — быстро устала от военной тематики и, по всей видимости, от войны вообще. Поражения в Галиции и Польше летом 1915 г. решительно повлияли на рынок лубочной литературы. Списки изданной в России литературы показывают, что спустя год после начала мировой войны, уже нельзя было говорить о существовании в России массовой, лубочной литературы по военной тематике.

---

⁶⁸ Жулев П. Указ. соч.

⁶⁹ Там же. С. 59.

⁷⁰ «Великая война», «Отторженная возвратих», «Война с Турцией», «Наша слава» и «Зверство немцев».